

УДК 81.33

DOI: 10.15593/2224-9389/2016.2.2

С.А. Чугунова, Д.В. Трепышко

Получена: 30.04.2016

Брянский государственный университет
им. акад. И.Г. Петровского, Брянск, Россия

Принята: 15.05.2016

Опубликована: 30.06.2016

О ВОЗМОЖНОМ ВЛИЯНИИ ГЕНДЕРА НА ПСИХОТИПИЧЕСКОЕ СХОДСТВО АВТОРА И ПЕРЕВОДЧИКА

Рассматриваются вопросы развития деятельностного (психолингвистического) подхода к переводу в направлении психотипической теории перевода с использованием понятия психотипического сходства автора и переводчика; описывается пилотажный эксперимент со студентами – будущими переводчиками, нацеленный на выявление влияния гендерного психотипа личности переводчика на текст перевода. В деятельностной парадигме перевод признается речевой деятельностью, и познание сущности перевода невозможно без выявления его психологической основы. По одной из версий деятельностная теория перевода – это психотипическая теория, и степень адекватности перевода, во всяком случае, художественного, напрямую зависит от психотипической совместимости автора и переводчика. Отсюда уместно предположить, что определенное влияние на психотипическую близость двух индивидуальностей может оказывать принадлежность к общему гендерному типу; при этом гендер понимается как социально-психологический конструкт и не зависит от биологического пола. С целью верификации гипотезы о возможном влиянии гендера на психотипический портрет личности была выдвинута промежуточная гипотеза о сходных стратегиях перевода у представителей одного и того же гендерного типа. В пилотажном эксперименте студентам – будущим переводчикам были предложены на перевод оригинальные отрывки из художественных произведений англоязычных авторов. Предварительно все испытуемые были протестированы по вопроснику С. Бем на предмет их гендерного психотипа. Сопоставление выполненных переводов показало, что гипотеза о влиянии гендерного психотипа переводчика на продукт перевода, т.е. текст перевода, находит косвенное подтверждение, но требует дальнейших исследований с привлечением большего числа испытуемых и использованием дополнительных методик и процедур.

Ключевые слова: *деятельностный/психолингвистический подход, художественный перевод, адекватный перевод, психотипическое сходство, гендер.*

S.A. Chugunova, D.V. Trepysenko

Received: 30.04.2016

Bryansk State University named after
Acad. I.G. Petrovsky, Bryansk, Russia

Accepted: 15.05.2016

Published: 30.06.2016

ON POSSIBLE INFLUENCE OF GENDER ON PSYCHO-TYPICAL LIKENESS BETWEEN AUTHOR AND TRANSLATOR

The article deals with the development of the activity (psycholinguistic) approach to translation in the direction of the psycho-typical translation theory that employs the notion of psycho-typical likeness between author and translator. It also describes a trial experiment with students trained as future interpreters and translators that aimed to find the effect of the translator's gender on the translation. According to the activity approach, translation is regarded as a psychological activity, and it should be studied as such. In one of the versions of the activity approach to translation its success depends on the psycho-typical likeness between author and translator that may be partly conditioned by the common gender. The latter is understood as a social and psychological construct. To verify the hypothesis about the effect of gender on the psychological type of a person, it was suggested that same gender representatives should prefer similar translation strategies. In a trial experiment students translated small excerpts from original English language literary works, but before that each subject's gender was as-

sessed in Sandra Bem's test. The comparison of the translations shows indirect support for the effect of the translator's gender on the translation. However, further examination must be carried out with a larger number of subjects and the application of other research techniques.

Keywords: *activity (psycholinguistic) approach, literary translation, flawless translation, psychotypical likeness, gender.*

По мнению сторонников деятельностного подхода в науке о языке, лингвистическая теория перевода, предложившая инструментарий и инвентарь переводческих соответствий, трансформаций, а также критерии качества перевода, практически полностью игнорирует рефлексивную деятельность переводчика [1], т.е. тот факт, что «знаки не переводят сами себя, а переводчик, если и медиатор, – то креативный» [2, с. 108] (о переводе с психолингвистических позиций см. [3; 4; 5]).

В деятельностной парадигме «перевод не сводится к манипуляции различными языковыми средствами, а сам является речевой деятельностью по заданной в оригинале программе» [6, с. 18]. Заданная в оригинале программа выявляется по мере движения переводчика от одного фрагмента (смыслового узла) к другому, и всегда выявляется лишь вариант программы оригинала (идиовариант), которому следует переводчик и который свидетельствует о мере его психотипической сходности с автором [2, с. 110]. Понятие психотипического подобия автора и переводчика, позволяющее им истолковывать друг друга, опираясь на инвариантные свойства своих речевых и неречевых программ, признается основным, и, таким образом, «деятельностная теория перевода – это не что иное, как психотипическая/интерпретативная теория» [Там же].

Несмотря на то, что трудно согласиться с Ю.А. Сорокиным в том, что деятельностный подход к переводу сводится к исследованию психотипической сходности двух деятелей – автора оригинала и автора перевода, нельзя не признать, что в отношении художественного перевода этот аспект должен иметь определенное значение. Имеется в виду, что если при переводе специальной литературы для достижения качества продукта большую роль играет следование правилам и алгоритмам, то при переводе художественных текстов, которые, «как правило, не поддаются однозначной интерпретации» [4], на первый план выходит интуитивное, ассоциативно-холистическое, творческое мышление, умение мыслить образами, а не по шаблону. И здесь благодаря механизму эмпатии переводчику нужно как бы переместиться на позицию автора, «стать похожим на него психотипично, оценивая “картину мира” глазами автора, с его перспективы» [3].

Итак, согласно еще одному взгляду на адекватный перевод степень адекватности зависит от психотипической совместимости автора и переводчика, но поскольку абсолютная совместимость невозможна ни при каких обстоятельствах, полагаем, что сам перевод можно вообразить в виде подвижной точки на некотором континууме, полюсы которого заданы антонимической парой «психотипическая идентичность – полное психотипическое не-

соответствие». Психотипическое сходство автора текста и переводчика определяется как «наличие у переводчика эмоций, подобных авторским, а также фоновых знаний, что создает оптимальные условия для порождения адекватного текста перевода» [Там же].

Со своей стороны предположим, что определенное влияние на психотипическую близость двух индивидуальностей может указывать на принадлежность к общему гендерному типу. Поскольку понятие «гендер» часто смешивают с понятием «пол», необходимо учитывать, что «пол» является чисто биологической категорией и подразумевает деление всех людей по их биологическим признакам на представителей двух полов – мужского и женского. Понятие же «гендер» рассматривается скорее как социально-психологический конструкт [7], так как в нем учитываются социально, когнитивно и психологически обусловленные поведенческие особенности (включая языковое поведение) трех или даже четырех типов личности независимо от биологического пола – маскулинного, феминного и андрогинного (смешанного); исследования выявляют еще один тип – неопределенный.

В 1970-х годах американский психолог Сандра Бем предложила измерительную методику (*the Bem Sex Role Inventory – BSRI*), представляющую собой вопросник с 20 феминными, 20 маскулинными и 20 нейтральными характеристиками. Индивиду предлагается оценить ту или иную характеристику применительно к себе по 7-балльной шкале (от «никогда» до «всегда»). Средний балл – 4,5. Если индивидуальный показатель превышает средний уровень по феминности и маскулинности, индивид признается андрогином. Если показатели феминности и маскулинности оказываются одинаково низкими, гендер не идентифицируется («неопределенный тип»). С точки зрения Бем, андрогин как психотип личности превосходит по своим социальным качествам маскулинный и феминный типы (см. [8–10]).

Типично маскулинные (мужские) черты включают: независимость, агрессивность, склонность к риску, уверенность в себе, высокую степень самоуважения, более высокую самооценку в области академических достижений, а также повышенный интерес к своему физическому Я. К традиционно феминным (женским) чертам относятся: уступчивость, мягкость, способность к сопереживанию, эмоциональность [Там же].

Что касается языкового поведения мужчин и женщин, то изыскания в области гендерной лингвистики показывают, что для лиц женского пола характерны: 1) наличие слов-паразитов (филлеров): *you know / sort of*; 2) разделительные вопросы: *she is very nice, isn't she?*; 3) подъем интонации при произнесении утверждений: *it's really good*; 4) «пустые» прилагательные (примерно то же, что слова-паразиты, т.е. лишённые определенного смысла): *divine / charming / cute*; 5) специфичные определения цветовой гаммы: *magenta / aquamarine / mauve*; 6) усилительные наречия (интенсификаторы): *just / so*; 7) гиперправильная (шаб-

лонная) грамматика; 8) вежливые формы речи: косвенные просьбы, эвфемизмы; 9) отказ от бранной лексики; 10) эмфатическое ударение: *it was a BRILLIANT performance*. Большинство указанных характеристик свидетельствует о женской неуверенности и комплексе неполноценности [11] (со ссылками на работы Р. Лакоффа). В то же время существуют исследования, опровергающие выводы Лакоффа, по крайней мере, относительно некоторых параметров в определенных видах дискурса – гипервежливости в интернет-общении [12], разделительных вопросов, которых в профессиональном дискурсе у мужчин оказалось больше, чем у женщин [13].

Работы, посвященные гендерным особенностям перевода, пока единичны. Например, в статье [14] гендер понимается как биологический пол, поскольку в ней сопоставляется язык переводов, выполненных переводчиками мужского и женского пола. Выражается уверенность, что на переводе «лежит гендерная печать»: «на выбор определенных языковых средств при переводе оказывают различное строение и функции головного мозга мужчин и женщин, которые обуславливают психологические особенности мужского и женского пола, а также гендерные стереотипы» [Там же, с. 25]. «Гендерная печать» исследуется в связи с понятием «удачный перевод», который характеризуется как наиболее близкий к языку оригинала с учетом не только экстралингвистических, но и лингвистических факторов, включающих максимально точное воспроизведение текста на пяти уровнях языка: фонетическом, ритмическом, лексическом, морфологическом и синтаксическом [Там же] – со ссылкой на [15, с. 92]. Результаты гендерного сопоставления переводов текстов художественной литературы с польского и болгарского на русский язык приводятся в таблице.

Гендерные различия в языке переводов

Переводчики-женщины	Переводчики-мужчины
На фонетическом и ритмическом уровнях различия не выявлены	
Морфологический уровень	
Значительно большее количество местоимений (особенно личных) и частиц. (Наличие личных местоимений и частиц в переводах с болгарского языка у переводчиков-мужчин объясняется особенностями болгарского синтаксиса)	
Качественные прилагательные употребляются в основном в сравнительной степени	Характерное употребление прилагательных (особенно качественных – преимущественно в положительной степени), даже если их нет в языке оригинала
Чаще используют глаголы	

Окончание таблицы

Переводчики-женщины	Переводчики-мужчины
Лексический уровень	
Преобладание слов с коннотацией при ее отсутствии в оригинале	
Превалирование книжной и фольклорной лексики	
Избыточность вводных слов и обращений и включение их даже при отсутствии в оригинале	Опущение вводных слов и обращений
Синтаксический уровень	
Чаще используют не прямой порядок слов в предложении с прямым порядком в оригинале	

На первом этапе нашего исследования мы обратились к группе из 17 испытуемых – студентов-старшекурсников факультета иностранных языков, обучающихся по профилю «Перевод и переводоведение» (64,7 % женского пола и 35,3 % мужского пола), с заданием письменно перевести без помощи словаря несколько небольших, но относительно законченных по смыслу отрывков из англоязычных (британских и американских) художественных произведений с языка оригинала на родной русский язык. Отрывки были подобраны таким образом, что содержали единицы практически всех пластов разговорной и книжной лексики английского языка, включая нейтральную лексику. Непосредственно перед переводом каждый испытуемый протестировал себя по вопроснику С. Бем. Цель эксперимента состояла в проверке гипотезы о влиянии гендерного психотипа личности переводчика на продукт перевода, т.е. текст перевода. Иными словами, предполагалось, что при переводе носители одного и того же гендерного типа склонны использовать больше сходных, чем различных стратегий и тактик (приемов) перевода.

По итогам психологического тестирования 70,58 % (большинство) испытуемых были отнесены к андрогинному гендерному психотипу (63,6 % от общего числа девушек, причем две девушки тяготели к маскулинному типу; 83,3 % от общего числа молодых людей); 29,42 % испытуемых были отнесены к феминному гендерному психотипу (36,4 % от общего числа девушек; 16,7 % от общего числа молодых людей).

Анализ и сопоставление выполненных переводов по гендерному признаку выявили следующие результаты. Переводы, выполненные испытуемыми андрогинного гендерного психотипа, в целом более профессиональны, так как представители этой группы реже использовали буквальный перевод и больше переводческих трансформаций, в первую очередь лексических, чем

испытываемые феминного гендерного типа. Они свободнее оперировали «избыточной» информацией в оригинале. В частности, при переводе информации о еде в предложении *Often when Miss Martha sat down to her chops and light rolls and jam and tea* андрогини чаще обращались к приему генерализации и вместо *булочек и чая с вареньем* переводили: *трапеза, блюдо, обед*. То же самое наблюдалось при переводе предложения *she would sigh, and wish that the gentle-mannered artist might share her tasty meal instead of eating his dry crust in that draughty attic*. Испытуемые – переводчики феминного типа описывали ситуацию практически дословно: *есть свои сухие крошки в этом заветренном помещении; жевать сухари на чердаке; грызть сухую корку на заветренном чердаке*. При этом испытуемые – андрогини женского пола справлялись с поставленной задачей лучше, чем испытуемые – андрогини мужского пола, так как последние чаще пропускали сложные случаи, не предлагая никакого варианта толкования текста. Андрогини женского пола чаще употребляли стилистически нейтральные лексические средства, а андрогини мужского – стилистически маркированные. В то же время представители сильного пола, независимо от гендерной принадлежности, чаще сталкивались с грамматическими сложностями при переводе. Переводы испытуемых феминного гендерного типа отличались большей образностью, а также попыткой избежать грубой разговорной лексики в переводе: например, оборот *Shut up!* был передан при помощи глагола *Замолчи!*, в то время как испытуемые андрогинного гендерного типа часто использовали стилистически сниженный эквивалент *Заткнись!*. При переводе одного из отрывков испытуемые феминного типа продемонстрировали склонность к оптимистичной оценке происходящего в тексте, в то время как большинство андрогинов описывали ситуацию в тексте более реалистично. Вместе с тем нельзя не отметить, что анализ многих фрагментов переводов экспериментальных отрывков не выявил гендерных различий.

Таким образом, гипотеза о влиянии гендерного психотипа переводчика на продукт перевода, т.е. текст перевода, находит косвенное подтверждение, но требует дальнейших исследований с привлечением большего числа испытуемых и использованием дополнительных методик и процедур.

Список литературы

1. Галеева Н.Л. Перевод в культуре: уточнение статуса и понятий [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.nsu.ru/education/virtual/cs9galeeva.pdf> (дата обращения: 14.01.2011); То же // Критика и семиотика. – Вып. 9. – 2006. – С. 24–35.
2. Сорокин Ю.А. Интерпретативная или деятельностная теория перевода? // Языковое сознание и образ мира: сб. статей / отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М.: ИЯ РАН, 2000. – С. 107–115.

3. Засекин С.В. Художественный перевод как объект психолингвистики [Электронный ресурс]. – URL: <http://textarchive.ru/c-2982577-pall.html> (дата обращения: 15.04.2016); То же // Языковое бытие человека и этноса: когнитивный и психолингвистический аспекты: материалы междунар. shk.-сем. (VI Березинские чтения). – Вып. 17. – М.: Изд-во ИНИОН РАН, АСОУ, 2010. – С. 50–58.

4. Нестерова Н.М. «Переводить – лучший способ читать»: психолингвистика vs лингвистика перевода [Электронный ресурс]. – URL: <http://textarchive.ru/c-2982577-pall.html> (дата обращения: 15.04.2016); То же // Языковое бытие человека и этноса: когнитивный и психолингвистический аспекты: материалы междунар. shk.-сем. (VI Березинские чтения). – Вып. 17. – М.: Изд-во ИНИОН РАН, АСОУ, 2010. – С. 74–78.

5. Чугунова С.А. Перевод с психолингвистических позиций // Дополнительное профессиональное образование в системе подготовки конкурентоспособного специалиста на рынке труда: сб. науч. тр. I Всерос. науч.-практ. конф. – Брянск: Десяточка, 2011. – С. 350–355.

6. Галеева Н.Л. Основы деятельностной теории перевода. – Тверь: Изд-во Твер. гос. ун-та, 1997.

7. Кирилина А.В. Гендер: Лингвистические аспекты. – М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1999.

8. Bem S.L. The measurement of psychological androgyny // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. – 1974. – Vol. 42, № 2. – P. 155–162.

9. Bem S.L. Gender schema theory: A cognitive account of sex typing source // *Psychological Review*. – 1981. – Vol. 88, № 4. – P. 354–364.

10. Bem S.L. *The lenses of gender: Transforming the debate on sexual inequality*. – New Haven, CT: Yale University Press, 1993.

11. Nemati A., Bayer J.M. Gender differences in the use of linguistic forms in the speech of men and women – A comparative Study of Persian and English [Электронный ресурс] // *Language in India (a monthly online journal)*. – 2007. – Vol. 7, № 9. – URL: <http://www.languageinindia.com/sep2007/index.html> (дата обращения: 04.01.2012).

12. Bunz U., Campbell S. Accommodating politeness indicators in personal electronic mail messages. Presented at the Association of Internet Researcher's 3rd Annual Conference Maastricht, The Netherlands, October 13–16, 2002 [Электронный ресурс]. – URL: <http://bunz.comm.fsu.edu/AoIR2002politeness.pdf> (дата обращения: 10.01.2012).

13. Dubois B.L., Crouch I. The question of tag question in women's speech: They don't really use more of them, do they? // *Language in Society*. – 1975. – Vol. 4, № 3. – P. 289–294.

14. Горбань В., Побережная О. Гендерная асимметрия при переводе // *Δόξα / Докса. Збірник наукових праць з філософії та філології*. Вип. 6: Мова, текст, культура. – Одеса: ОНУ ім. І. І. Мечникова, 2004. – С. 24–28.

15. Коптілов В.Д. Першотвір і переклад. Роздуми і спостереження. – Кі.: Дніпро, 1972.

References

1. Galeeva N.L. Perevod v kul'ture: utochnenie statusa i poniatii [Translation in culture: clarifying the status and concept]. Available at: <http://www.nsu.ru/education/virtual/cs9galeeva.pdf> (accessed 14 January 2011).
2. Sorokin Iu.A. Interpretativnaia ili deiatel'nostnaia teoriia perevoda? [Interpretative or activity-oriented translation theory?]. *Iazykovoie soznanie i obraz mira* [Language consciousness and world image]. Ed. by N.V. Ufimtseva. Moscow: IIA RAN, 2000, pp. 107–115.
3. Zasekin S.V. Khudozhestvennyi perevod kak ob'ekt psikholingvistiki [Literary translation as a subject of psycholinguistics]. Available at: <http://textarchive.ru/c-2982577-pall.html> (accessed 15 April 2016).
4. Nesterova N.M. «Perevodit' – luchshii sposob chitat'»: psikholingvistika vs lingvistika perevoda [“Translation is the best way to read”: translation psycholinguistics vs linguistics]. Available at: <http://textarchive.ru/c-2982577-pall.html> (accessed 15 April 2016).
5. Chugunova S.A. Perevod s psikholingvisticheskikh pozitsii [Translation in psycholinguistic perspective]. *Sb. nauch. tr. I Vseross. nauch.-prakt. konf. “Dopolnitel'noe professional'noe obrazovanie v sisteme podgotovki konkurentosposobnogo spetsialista na rynke truda”* [Proc. I All-Russ. sci.-pract. conf. “Continuing Professional Education in the system of training competitive professionals in the labor market”], Bryansk, Desiatochka Publ., 2011, pp. 350–355.
6. Galeeva N.L. Osnovy deiatel'nostnoi teorii perevoda [Fundamentals of activity-focused translation theory]. Tver: Izd-vo Tver. gos. un-ta, 1997.
7. Kirilina A.V. Gender: lingvisticheskie aspekty [Gender: linguistic aspects]. Moscow: Izd-vo In-ta sotsiologii RAN, 1999.
8. Bem S.L. The measurement of psychological androgyny. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 1974, vol. 42, no. 2, pp. 155–162.
9. Bem S.L. Gender schema theory: a cognitive account of sex typing source. *Psychological Review*, 1981, vol. 88, № 4, pp. 354–364.
10. Bem S.L. The lenses of gender: transforming the debate on sexual inequality. New Haven, CT, Yale University Press, 1993.
11. Nemati A., Bayer J.M. Gender differences in the use of linguistic forms in the speech of men and women – A comparative Study of Persian and English. *Language in India*, 2007, vol. 7, no. 9. Available at: <http://www.languageinindia.com/sep2007/index.html> (accessed 4 January 2012).
12. Bunz U. & Campbell S. Accommodating politeness indicators in personal electronic mail messages. Presented at the Association of Internet Researcher's 3rd Annual Conference Maastricht, The Netherlands, October 13–16, 2002. Available at: <http://bunz.comm.fsu.edu/AoIR2002politeness.pdf> (accessed 10 January 2012).
13. Dubois B.L., Crouch I. The question of tag question in women's speech: They don't really use more of them, do they? *Language in Society*, 1975, vol. 4, no. 3, pp. 289–294.

14. Gorban' V., Poberezhnaia O. Gendernaia asimmetriia pri perevode [Gender asymmetry in translation]. *Дόξα / Doksa. Zbirnik naukovikh prats' z filosofii ta filologii. Vol. 6: Mova, tekst, kul'tura*. Odessa: ONU im. I.I. Mechnikova, 2004, pp. 24–28.

15. Koptilov V.D. Pershotvir i pereklad. Rozdumi i sposterezhennia. Kiev: Dnipro Publ., 1972.

Сведения об авторе

ЧУГУНОВА Светлана Александровна

e-mail: chugunovasvetal@rambler.ru

Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории английского языка и переводоведения, Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского (Брянск, Россия)

ТРЕПЫШКО Дмитрий Викторович

e-mail: trepyschko.dima@yandex.ru

Магистрант, направление «Лингвистика» (профиль – перевод и переводоведения), Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского, Брянск, Россия)

About the author

Svetlana A. CHUGUNOVA

e-mail: chugunovasvetal@rambler.ru

Doctor of Philology, Professor, Department of Theory of English Language and Translation Studies, Bryansk State University named after Acad. I.G. Petrovsky (Bryansk, Russia)

Dmitry V. TREPYSHKO

e-mail: trepyschko.dima@yandex.ru

Master's Degree Student, major: Linguistics (profile: Translation and Translation Studies), Bryansk State University named after Acad. I.G. Petrovsky (Bryansk, Russia)